

нам было число врагов? В наших рядах шли солдаты, состарившиеся в победах... Тысяча оскорблений, за которые надо было отомстить, добавляли гнева к их природной отваге. Эти лица, загрубевшие от солнца Испании и льдов России, освящались при мысли о битве»*. Это была «армия, обученная и доблестная, в которой не хватало сплоченности, потому что солдаты не знали своих командиров и не доверяли генералам, мрачная, нервная, охваченная духом II года [т. е. республиканскими настроениями 1794 года], взволнованные исступленной страстью к императору — она была способна на чудесные порывы, но и подвержена трагическим моментам депрессии»**.

Тем не менее, каким бы проникнутым нервозностью не стал дух наполеоновских войск в последние кампании, нельзя не сказать, что армия сохранила даже в самые тяжелые часы испытаний многие из своих лучших качеств, и, если в последних войнах Империи молодые солдаты Наполеона не подавляли своих противников гигантским моральным превосходством, как это, скажем, было в прусском походе 1806 года, то их преданность, отвага, чувство чести, веселость и великодушие не могут не вызывать симпатии. И хотя последняя битва Империи — Ватерлоо — закончилась чудовищной катастрофой, она несколько не убавила той притягательности и обаяния, которыми наполеоновская армия привлекает и сейчас к себе внимание тысяч людей.

Заклучение к книге «Армия Наполеона»

Перед нашими мысленными взорами прошли тысячи людей: самых неприметных солдат и знаменитейших генералов, сыновей пахарей, тяжким ратным трудом заслуживших эполеты, и лощеных аристократов из Сен-Жерменского предместья, привлеченных в армию надеждой скоро получить высокие чины. Мы видели тех, кто при первых же трудностях дезертировал, стал мародером и грабителем, и тех, кто через тысячи испытаний до последнего вздоха пронес верность долгу и честь.

Ясно, что наполеоновская армия, как и всякая другая, была причудливой мозаикой, выложенной из самых разных характеров, людей, судеб; что темные стороны соседствовали здесь со светлыми, а блестящие боевые эпизоды с бездарно проведенными операциями.

Тем не менее, в этом и состоит долг историка — в хаосе десятков тысяч фактов найти общую генеральную линию и ясно и последовательно донести ее до читателя. Поэтому попытаемся все-таки, несмотря

* *Martin J.-F.* Souvenirs d'un ex-officier. P., 1867.

** *Lachouque H.* Waterloo. P., 1972. P. 48.

на обилие противоречивых фактов, сделать некоторые общие выводы из данной книги.

Прежде всего, как кажется из сведений, приведенных здесь, следует, что Наполеону удалось создать действительно мощную и самую многочисленную армию тогдашнего мира. Для этого ему пришлось прибегнуть к невиданным еще доселе принудительным наборам, встретившим если и не активное сопротивление, то по крайней мере глухую враждебность населения. Тем не менее, нельзя преувеличивать масштабы этого противодействия, которое проявлялось скорее как явление регионального характера, масштабы которого сильно зависели от специфики того или иного департамента. Наконец, категорически недопустимо рассматривать конскрипцию как явление, серьезно повлиявшее на демографические процессы, проводя параллели с рядом драматических событий нашего века. Численность населения наполеоновской империи, в том числе и мужского, продолжала неуклонно расти. Потери Франции и ее союзников при всей их тяжести оставались все же очень далекими по своим масштабам от того, что принесли с собой гигантские войны эпохи научно-технического прогресса.

Многочисленные контингенты, поставленные под ружье императором, вели за собой поистине великолепные закаленные в боях командные кадры. Это были люди самого различного происхождения, объединенные служением Наполеону. Большие профессионалы своего дела, чем офицеры королевской армии, они одновременно стали и стержнем и главной элитой общества, созданного в эпоху 1-й империи. «Они были последними рыцарями... и вместе с ними кончается эпическое время»*, — сказал об офицерах наполеоновской армии один из известных французских историков. В этом высказывании, несмотря на его кажущуюся претенциозность, есть немалая доля истины. Достаточно очевидно, что любая серьезная война, в том числе и самая современная, выводит на передний план людей определенного психологического склада, обладающих набором особых моральных качеств, необходимых в достижении успеха в смертельной борьбе тысяч вооруженных мужчин. Основными качествами людей этого склада, которых известный французский психиатр Клод Барруа выделяет в некий социально-психологический тип «Воин» (*guerrier*), являются: «отвага в служении, внутренняя дисциплина, самоконтроль, безразличие к опасности и преданность своей группе... принятие того, что жизнь не является самой главной ценностью...»**. Необходимо сразу отметить, что в современном мире «воин» и «военный» совершенно не обязательно идентичны. Среди военных, даже высокопоставленных, есть немало тех, которых известный современный французский генерал Жорж Грийо

* *Masson F. Les cavaliers de Napoléon. P., 1896. P. 6.*

** *Barrois C. Psychanalyse du guerrier. P., 1993. P. 186, 123.*

метко назвал «функционарами в хаки»; наоборот среди тех, кто никогда не был военным, есть те, кто в случае настоящей войны раскрываются совершенно неожиданным образом. В любом случае война, самая механизированная и современная, ставит в первые ряды именно «воинов».

Однако появление необычайно эффективных средств уничтожения — плодов крупного машинного производства (сначала нарезной разнозарядной винтовки, потом автоматического оружия, затем дальнобойной нарезной артиллерии, минометов, ракет и т. д. и т. п.) привело к тому, что «воин», если он не желает быть самоубийцей, не может вести себя в бою так, как предписывала людям этого склада этика многотысячелетней индоевропейской цивилизации — идти на врага в полный рост, в ритуальном боевом облачении, с вождями в первых рядах. Невозможность, оставаясь в рамках рационального, действовать подобным образом полностью сломала «нормальную», тысячелетиями сложившуюся, ментальность и этику. В войнах XX века человек-«воин», особенно в моменты особого стресса, будет не раз пытаться вырваться за рамки тех императивов, которые накладывает технический прогресс, взять хотя бы знаменитые атаки русской белой гвардии в сомкнутом строю с развернутыми знаменами или отчаянная штыковая французского иностранного легиона в парадной форме с патронами, выкинутыми из патронников, в бою под Лан-Соном (1950 г.), однако на всех подобных действиях при их внешней эффектности и драматичности будет лежать печать иррациональности. Они чаще всего приводили к чудовищным потерям, чем к победе и потому будут вызывать у «воинов»-профессионалов скептическое и даже пренебрежительное отношение.

Наполеоновское время явилось по сути дела последней большой военной эпохой, когда развитие оружия не перешло еще ту грань, за которой лежало неизбежное изменение стереотипов поведения человека на войне. Для генерала, офицера было *не просто бесцельно эффективно, а выгодно* (конечно, с точки зрения не личного самосохранения, а успеха боя) *в сверкании золота эполет, в начищенном парадном мундире, на коне, украшенном богатой сбруей идти на врага с гордо поднятой головой, не кланяясь ядрам, не прячась за кустами, а наоборот являя войскам пример неустрашимости и отваги*, как писал поэт XVIII века, «...идти вперед, расправив плечи, под визг взбесившейся картечи». Относительное несовершенство оружия той эпохи позволяло не только надеяться остаться в живых после подобных действий в бою, но более того, именно такое поведение офицеров и генералов наполеоновской армии даровало ей победу. Недаром де Брак, суровый прагматик войны, рекомендовал кавалерийским офицерам, приняв все необходимые подготовительные действия перед броском на врага «в тот момент, когда будет дана команда атаковать... думать

лишь о том, как первым врубиться во вражеские ряды»*. Именно поэтому наполеоновские офицеры не только были «воинами» во внутреннем глубинном психологическом смысле, но имели возможность во всех, даже внешних проявлениях, вести себя в соответствии с традиционной этикой военных вождей многотысячелетней цивилизации и прежде всего, разумеется, в соответствии со стереотипами поведения европейского рыцарства, моральные и этические нормы которого насквозь пропитали дух наполеоновской армии и, более того, стали одним из важнейших организующих моментов социального плана. Парадоксально, но факт, что Великая французская буржуазная революция не только разрушила вдребезги здание старой монархии, но и своим гигантским пассионарным взрывом, за счет вырвавшихся на волю огромных сил создало «новое рыцарство», которое пусть на короткий исторический промежуток времени, стало опорой «новой монархии». Не случайно поэтому так сложно охарактеризовать наполеоновское общество в привычной антитезе буржуазное или феодальное. Именно поэтому так путались советские историки в его классификации. И когда почтенный академик Тарле писал, что Наполеон ставил «интересы крупной буржуазии... во главу угла всей своей внутренней и внешней политики», он сам, прекрасно чувствуя, что здесь что-то не ладно, буквально уже на следующей странице добавил: «...в области внутренней политики он боролся против буржуазного общества как противника государства, олицетворенного в нем...»** Действительно сложно было бы вообразить, что человек, проведший половину жизни среди бивачных огней, окруженный восторженно приветствующей его ликующей могучей армией и с ней не раз шедший навстречу смертельной опасности, пользовавшийся гигантской популярностью среди простого народа, стал бы послушным лакеем финансовых воротил, любого из которых он мог легко поставить и ставил (!) на место.

Государство Наполеона было без сомнения самой настоящей монархией, но «монархией новой», которую простой народ в огромной массе поддерживал безоговорочно. «Бурбоны были королями дворян, а я был королем народа», — так коротко резюмировал сам император эти чувства простых людей Франции. Для солдат же и офицеров это была их «новая монархия», где «царь» награждал только за заслуги, где была достигнута гораздо большая социальная справедливость не только чем в обществе Старого порядка, но и в краткий период существования чисто буржуазной Франции (1794–1799 гг.). «Каждый, кто хотел работать, — вспоминал Стендаль, — мог быть уверен, что достигнет благосостояния... Покровительство, оказываемое правосудию

* *Brack F. de. Avant- postes de cavalerie légère. P., s. d. P. 178.*

** *Тарле Е.В. Наполеон. Москва, 1991. С. 226, 227.*

и труду, заставляло мириться с конскрипцией и с высокими косвенными налогами»*.

Сражаясь с армиями коалиции, солдаты императора верили, что они защищают новый, более справедливый социальный порядок от тех, кто желает силой навязать им «неправое дело застарелых привилегий, низкое холопство и ложь». Часто подобное поведение объясняют тем, что солдаты защищали завоевания революции и следовательно принципы буржуазного общества. Без сомнения многие социальные преобразования, произошедшие в годы революции, стали естественными для французов эпохи империи, и они никак не желали возвращения старой монархии, но не за «ценности» буржуазно-либерального мира умирали молодые новобранцы и старые ворчуны в бешеных атаках под Лютценом, в последних каре на поле Ватерлоо. Если какие-то соображения кроме воинского энтузиазма или спокойной уверенности бойцов-профессионалов вели их вперед — это была, конечно, восторженная преданность и вера в императора, символизировавшего для них правду и справедливость на этом свете.

Удивительно, что подобную веру Наполеон создал не чудовищной пропагандистской обработкой масс, не жестокими репрессиями и гонениями на инакомыслящих. О свободе прессы он, хотя и не разделявший либеральные ценности, писал своему министру внутренних дел: «Я желаю, чтобы печатали все, абсолютно все, за исключением непристойностей и призывов нарушить спокойствие государства. Цензура не должна заниматься остальным»**. Гигантская популярность Наполеона черпала силы в разумном эффективном управлении государством и огромной харизматической силе его личности. Волшебный ореол славы императора и мощный «пассионарный» заряд наполеоновской армии увлекли за собой и сотни тысяч людей нефранцузского происхождения. Многие из них, подобно своим французским собратьям, стали ярыми приверженцами наполеоновской идеи и воспринимали императора французов, как общеевропейского вождя. Конечно мера этого энтузиазма была разная. В Италии и в Польше, где Наполеон провел целую серию неоспоримо полезных реформ, где дело императора слилось с идеей освобождения от захватчиков, этот энтузиазм и порыв достигли огромного размаха. В Германии, где не столь очевидны были результаты наполеоновского владычества, войска шли вперед, одушевленные в основном чисто воинским энтузиазмом. В Испании же, где французское нашествие принесло с собой, кроме нужных стране реформ, еще и ожесточенную войну, число наполеоновских адептов было ограниченным. Но даже в этой стране, особенно среди молодых офицеров, существовала немалая прослойка тех, кто стал энтузиастом империи. Известный французский писатель

* *Стендаль. Жизнь Наполеона // Собрание сочинений. М., 1959. Т. 11. С. 101.*

** *Correspondance de Napoléon Ier. P., 1858–1870. Т. 24. P. 261.*

Поль Моран в своем великолепном по исторической точности романе «Севильский флагеллант» вывел такой собирательный образ в лице одного из главных героев, молодого офицера из старой дворянской семьи — Хуана Батисты. Образ настолько точно написанный, сублимирующий в себе сотни подобных судеб, что мы не можем удержаться от того, чтобы не привести цитату из этого великолепного произведения. Ее нельзя, конечно, рассматривать как исторический источник, но как удачное обобщение, которое абсолютно точно выражает воззрения тысяч иностранных солдат и офицеров императора. «Говорят, что во французской армии есть офицеры, вернувшиеся из эмиграции, которые заявляют, что служат отечеству и стараются не замечать, что во главе его стоит император, — восклицает Хуан Батиста. — А я наоборот, не замечаю ничего, кроме Наполеона, я живу для него, я смотрю только на него... я дрожу от мысли, что он может умереть. В истории мира будет только один Наполеон, одна Великая Армия — неужели я пропущу этот шанс!» *

Армия императора стала поистине всеевропейской. И вовсе не ударами бичей гнали в бой иностранные войска. Немецкие, итальянские, польские, испанские, швейцарские, голландские полки в контакте со своими французскими товарищами по оружию прониклись их энергией и преданностью. В конце концов, они шли под пули практически с тем же энтузиазмом, что и французы, считая так же, как они, что сражаются за правое дело и что если император повел их на войну — значит не зря — как записал в своем дневнике итальянский офицер: «Не зная, куда их ведут, солдаты знают, что идут они в защиту справедливости, им даже неинтересно разузнавать, куда их именно отправляют...»

Неизбежно стали другими и сами французы: «Император изменил национальный характер, — вспоминал Коленкур. — Французы сделались серьезными, они приобрели солидную осанку, всех волновали великие вопросы современности, мелкие интересы примолкли...», а другой современник эпопеи Стендаль писал: «Кульм доблести, непредвиденность событий, всепоглощающее влечение к славе, заставлявшее людей после награждения с радостью идти на смерть, — все это отдаляло от интриг».

Ряд просчетов Наполеона внешнеполитического характера и прежде всего испанская авантюра привели империю к катастрофе. Однако какие бы ошибки как государственный деятель и как стратег не совершил император, невозможно отрицать, что им была создана удивительная по своей энергии, силе и все увлекающему порыву многонациональная армия. Ее доблесть, самоотверженность и слава по праву вошли в анналы мировой истории и принадлежат они не только Франции, но и всей Европе.

* *Morand P. Le flagellant de Séville. P., 1951. P. 238.*